

Надя Талье

**Янтарь в твоих
глазах**

18+

Надя Талье

Янтарь в твоих глазах

«Автор»

2026

Талье Н.

Янтарь в твоих глазах / Н. Талье — «Автор», 2026

Уникальное сочетание психологического триллера и эмоциональной драмы в сеттинге суровой Балтики, дополненное редкой темой арт-терапии для детей с селективным мутизмом. Марина была уверена: Куршская коса — идеальное место, чтобы исчезнуть. Здесь только холодная Балтика, танцующие леса и соленый ветер, способный смыть следы прошлого. Она бежала от мужа-тирана, чтобы спасти сына, который перестал говорить после пережитого ужаса. Но покой оказался иллюзией. Встреча с угрюмым художником Яном, скрывающим за шрамами и красками опасное прошлое, меняет всё. Он — единственный, кто может вернуть голос её ребенку через искусство, и единственный, чьи руки дарят забытое чувство безопасности. Но когда шторм выносит на берег не только янтарь, но и тени из прошлого, Марине придется решить: бежать снова или довериться человеку, который готов превратить свою жизнь в щит для её семьи. Остросюжетный роман о втором шансе, исцеляющей любви и мужчине, который не умеет отступать. Хэппи-энд гарантирован.

© Талье Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Солёный привкус побега	6
Глава 2: Холст и песок	10
Глава 3: Танцующие тени	14
Глава 4: Штормовое предупреждение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Надя Талье

Янтарь в твоих глазах

Янтарь в твоих глазах

Автор: Надя Талье

Глава 1: Соленый привкус побега

Куршская коса встретила меня не гостеприимным шепотом сосен, а ледяным ударом ветра в лицо. Здесь, на узкой полоске суши между пресным заливом и соленым морем, воздух казался настолько плотным, что его хотелось раздвигать руками.

Я заглушила мотор старенькой «Тойоты». Тишина в салоне тут же стала оглушительной. Слишком тяжелой для женщины, которая последние три года жила под аккомпанемент битого стекла и рычания человека, обещавшего любить её до гроба.

— Тёма, мы приехали, — я обернулась к заднему сиденью, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро. — Посмотри, это море. Помнишь, мы читали про него?

Мой шестилетний сын даже не повернул головы. Он сидел, вжавшись в кресло, и смотрел в окно на серые, вздыбленные дюны. Его пальцы безостановочно теребили край застиранной толстовки. Тёма не говорил уже триста сорок два дня. С той самой ночи, когда Игорь решил, что тишина в доме — это признак неуважения, и начал «учить» нас ценить его слово.

Я сглотнула комок в горле. В зеркале заднего вида отразились мои глаза — ввалившиеся, с темными кругами, полные лихорадочного блеска. Я выглядела как загнанный зверь. Впрочем, я им и была.

Он не найдет нас здесь.

Эта мантра пульсировала в висках. Я сменила сим-карту, обналичила все деньги с тайного счета, который копила два года, и уехала из Москвы в самый туманный, самый крайний угол страны. Здесь, на Косе, в поселке, где зимой живет больше чаек, чем людей, мы должны были раствориться. Стать частью этого сурового пейзажа. Стать невидимками.

Я вышла из машины, и колючий песок тут же заскрипел на зубах. Запах соли и гниющей хвои ударил в нос. Это был запах свободы — горький, пугающий и абсолютно чужой.

— Выходи, малыш. Нам нужно найти наш дом.

Тёма медленно выбрался из машины. Он двигался как маленький старик — осторожно, словно боясь, что земля под ногами окажется ловушкой. Я взяла его за руку. Его ладошка была ледяной.

Мы пошли в сторону гостевого домика, который я забронировала на чужое имя через третьи руки. Вокруг не было ни души, только сухие травы качались на дюнах, напоминая танцующих призраков. Но параноя, моя верная спутница, не дремала.

Черный джип в зеркале на трассе под Зеленоградском — это был он? Или просто случайный прохожий? А тот мужчина на заправке, который слишком долго смотрел на номера?

Мне казалось, что из-за каждой сосны на меня смотрят тяжелые, налитые кровью глаза Игоря. Я чувствовала его присутствие в каждом порыве ветра. Он был везде и нигде. Мой персональный дьявол, который не умел отпустить свою собственность.

— Посмотри, Тём, какие волны! — я указала в сторону берега.

Море ревело. Огромные свинцовые валы с грохотом обрушивались на песок, выбрасывая ключья белой пены. Это была не та лазурная водичка из рекламных буклетов. Это была Балтика — злая, честная и беспощадная.

Тёма вдруг замер. Его взгляд, обычно потухший, зацепился за что-то на краю высокого обрыва, где песчаная дюна резко уходила вниз, к самой кромке прибоя. Там, на самом краю, лежала коряга, удивительно похожая на сказочного дракона.

Прежде чем я успела среагировать, сын сорвался с места.

— Тёма! Нет! Стой!

Мой крик потонул в гуле шторма. Тёма бежал на удивление быстро. Его маленькие ножки утопали в песке, но он упрямо стремился к обрыву. Страх, ледяной и парализующий, сжал мое

сердце. Песок здесь был коварным — подмытые штормом дюны могли обвалиться в любую секунду.

— Тёма, назад! — я бросилась за ним, спотыкаясь и падая на колени.

Я видела, как он замер на самом краю. Еще шаг — и он сорвется вниз, на острые камни и обломки волнорезов, которые море грызло веками. Ветер дунул в спину, толкая мальчика вперед.

— Нет!

В тот момент, когда я уже готова была закричать от бессилия, из-за огромного валуна, который я приняла за часть пейзажа, отделилась тень. Человек возник словно из ниоткуда. Высокий, массивный, в тяжелом черном дождевике, он перехватил Тёму за секунду до того, как край дюны начал осыпаться.

Мужчина просто сгреб ребенка в охапку, рывком оттаскивая его от пропасти.

Я добежала до них, задыхаясь, чувствуя, как легкие разрывает от холодного воздуха. Мое лицо было мокрым — то ли от брызг, то ли от слез.

— Отдайте! — выдохнула я, протягивая руки к сыну. — Пожалуйста, отдайте его мне!

Мужчина обернулся. Его лицо было резким, словно высеченным из того же гранита, что лежал на берегу. Небритый, с тяжелым взглядом из-под густых бровей, он выглядел так, будто сам был порождением этого шторма. В его глазах — цвета мутной балтийской волны — не было сочувствия. Только холодное раздражение.

— Следить за щенками надо лучше, — голос у него был низкий, с хрипотцой, от которой по спине пробежал холодок. Не от страха — от странного, неуместного напряжения.

Он буквально впихнул Тёму мне в руки. Сын был напуган, он вцепился в мою куртку, спрятав лицо у меня на груди. Я прижала его к себе так сильно, что, кажется, хрустнули его маленькие косточки.

— Простите... я... он просто увидел дерево... — я лепетала, пятась назад, подальше от обрыва и от этого пугающего человека.

— Здесь не парк для прогулок, — отрезал он. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на сухих, обветренных губах и вдруг переместился ниже.

Я судорожно поправила рукав куртки, но было поздно. Порыв ветра распахнул край моей ветровки, и на бледном запястье, как клеймо, отчетливо проступил багрово-синий след от пальцев. Свежий. Четкий. Пять пальцев Игоря, который схватил меня в дверях, когда я пыталась выскользнуть из дома.

Мужчина замер. Его глаза сузились, превратившись в две острые щели. Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно вскинула свободную руку, закрывая лицо. Это был жест, доведенный до автоматизма. Жест жертвы, которая ждет удара.

Но удара не последовало. Вместо этого его большая, горячая ладонь мертвой хваткой вцепилась в мое запястье — ровно там, где расцветал синяк.

— Пустите! — я дернулась, но он был как скала.

— Кто это сделал? — спросил он. В его голосе больше не было раздражения. Там появилось нечто иное — опасная, глухая ярость, которая, казалось, вибрировала в самом воздухе.

— Это... это не ваше дело. Отпустите меня, мне больно!

Я врала. Мне не было больно от его хватки. Напротив, от его ладони исходил такой жар, что мое онемевшее от холода запястье начало покалывать. Это тепло было пугающим. Оно пробивало мою броню, которую я так тщательно выстраивала вокруг себя.

— Ты на моей территории, — он наклонился ближе, и я почувствовала запах... краски, скипидара и дорогого табака. Совсем не тот запах, который я ожидала почувствовать от «местного жителя». — А я не люблю, когда на мою землю приносят дерьмо из большого города.

— Мы просто туристы, — прохрипела я, пытаясь высвободиться. — Мы уходим. Мы завтра же уедем...

— Не уедешь, — он усмехнулся, но эта усмешка не коснулась его глаз. — Шторм только начинается. Паром завтра не пойдет.

Он медленно разжал пальцы. Я тут же спрятала руку за спину, чувствуя, как кожа там, где он прикасался, горит огнем. Тёма в моих руках мелко дрожал.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил он.

— Марина, — ответила я прежде, чем успела подумать. Черт. Нужно было соврать. Назвать любое другое имя.

— Марина, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. На его губах оно прозвучало как приговор. — А я Ян. Запомни это имя. Тебе всё равно придется ко мне прийти.

— С чего бы это? — я постаралась придать голосу твердости, хотя ноги подгибались.

Он кивнул на Тёму, который всё еще прятал лицо.

— Твой пацан. Он не в себе. А море таких не прощает.

Ян развернулся и пошел прочь, в сторону густых зарослей сосен, где среди ветвей проглядывала крыша старой постройки — то ли мастерской, то ли сарая. Его фигура быстро растворилась в сумерках и пелене дождя, который начал срывать с неба.

Я стояла на ветру, прижимая к себе сына, и смотрела ему вслед. Сердце колотилось в горле.

Что он имел в виду? Откуда он знает про Тёму?

Я посмотрела на свое запястье. Там, поверх старого синяка от Игоря, начинали проявляться новые красные пятна — следы пальцев Яна.

Я сбежала от одного монстра, чтобы в первый же час столкнуться с другим?

Дождь усилился, превращаясь в плотную стену. Мне нужно было идти в дом, закрыть все замки и зашторить окна. Но я продолжала стоять на дюне, чувствуя, как соленые брызги смешиваются на губах с привкусом страха и чего-то еще... Чего-то, что я запретила себе чувствовать давным-давно.

Предчувствия.

Я оглянулась на пустую дорогу. Там, в паре сотен метров, стоял наш гостевой домик. А рядом с ним, в тени деревьев, я внезапно заметила отблеск фар. Машина медленно проехала мимо и скрылась за поворотом.

Это был черный внедорожник.

Мои колени всё-таки подогнулись. Я опустилась на мокрый песок, обнимая Тёму. Мы были на острове. Мы были в ловушке. А шторм, о котором говорил Ян, только начинал свою жатву.

Вечер в арендованном доме прошел в полузабытьи. Я двигалась механически: разогрела какую-то еду, которую Тёма едва коснулся, разложила вещи. Дом был старым, с вечно скрипящими половицами и запахом сырости. Каждое поскрипывание заставляло меня вздрагивать.

Я раз за разом подходила к окну, отдергивая тяжелую штору. Пусто. Только сосны раскачиваются под ударами ветра.

Он не мог найти нас так быстро. Это невозможно. Я всё предусмотрела.

Но в голове всплывали слова Игоря, сказанные перед моим побегом: «Ты можешь бежать хоть на край света, Марина. Но ты — моё ребро. А я не привык ходить калекой. Я тебя вырежу из любой толпы».

Тёма уснул прямо на диване в гостиной, свернувшись калачиком. Даже во сне его лицо не расслабилось — между бровями залегла глубокая складка. Я присела рядом, погладив его по волосам.

— Всё будет хорошо, маленький. Мы справимся.

Мой шепот прозвучал жалко.

Я достала телефон — тот самый, новый, «чистый». На экране не было уведомлений. Но руки всё равно дрожали. Я открыла галерею и наткнулась на единственное сохраненное фото — снимок Косы с высоты птичьего полета. Тонкая, изящная нить песка среди бушующей воды. Хрупкая. Ненадежная.

Вдруг в дверь постучали.

Звук был негромким, но в тишине дома он прозвучал как выстрел. Я замерла, боясь даже дышать.

Это не Игорь. Игорь бы выбил дверь.

Стук повторился. Более настойчивый. Раз-два-три.

Я взяла с кухни тяжелый нож для мяса. Сама понимала, как это нелепо, но металл в руке придавал хоть какую-то иллюзию силы. Подошла к двери, прижалась ухом к холодному дереву. — Кто там? — голос сорвался на сип.

За дверью молчали. Слышно было только, как беснуется ветер снаружи.

Я заглянула в глазок. На пороге никого не было. Только пустая веранда, залитая тусклым светом фонаря, который раскачивался на ветру.

Я уже собиралась отойти, когда заметила на коврике перед дверью какой-то предмет.

Осторожно, придерживая нож наготове, я приоткрыла дверь на цепочку. Холодный воздух тут же ворвался в дом, принося запах моря. На деревянном настиле лежал кусок янтаря. Большой, необработанный, мутный.

Я подняла его. Камень был тяжелым и... теплым. Словно его только что держали в руках.

Внутри янтаря, застывшая в вечности, виднелась маленькая щепка или насекомое — в темноте было не разобрать. Но не это заставило мое сердце пропустить удар.

На обратной стороне камня, прямо на шершавой поверхности, было нацарапано одно слово.

«СМОТРИ».

Я подняла глаза и посмотрела на темную стену леса. Там, в глубине, среди качающихся сосен, на мгновение вспыхнул и тут же погас красный огонек сигареты.

Я захлопнула дверь и заперла её на все замки.

Мои пальцы, сжимающие кусок древней смолы, дрожали. Я поняла, что этот человек — Ян — не просто угрюмый художник. И он не просто так оказался на том обрыве.

Я бросилась к Тёме, закрывая его своим телом, хотя знала: если тот, кто оставил янтарь, захочет войти — никакие двери меня не спасут.

Этой ночью я так и не уснула. Я сидела в темноте, сжимая в одной руке нож, а в другой — теплый камень, и слушала, как Балтика пытается прорваться на берег, чтобы забрать то, что принадлежит ей по праву.

И где-то в глубине души я знала: янтарь — это не подарок. Это метка.

Я всё еще была чьей-то собственностью. Просто хозяин сменился.

Глава 2: Холст и песок

Ночь была бесконечной, как сама Балтика. Я сидела на полу, привалившись спиной к холодному борту дивана, на котором спал Тёма. В правой руке — нож, в левой — кусок янтаря. Тот самый камень, который кто-то оставил на моем пороге. «СМОТРИ».

Слово, выцарапанное на камне, жгло мне ладонь. Что я должна была увидеть? Свою смерть? Своего преследователя? Или того, кто решил поиграть со мной в спасителя?

К утру шторм не утих, но сменил гнев на милость — рев ветра превратился в настойчивый, нудный вой. Светлело медленно, серо. Тёма проснулся внезапно, без звука. Он просто открыл глаза и сел, глядя в окно, за которым качались тени сосен. Его молчание было тяжелым, осязаемым, как пыль в заброшенном доме. Оно душило меня больше, чем страх перед Игорем.

— Хочешь каши, малыш? — мой голос прозвучал надтреснуто.

Тёма не ответил. Он даже не повернул головы. Он смотрел туда, где за деревьями пряталось море. В его глазах отражалась свинцовая пустота.

Я знала, что так нельзя. Мы бежали, чтобы спастись, но здесь, в этой изоляции, Тёма уходил в себя всё глубже. Психологи в городе говорили: «Нужно время. Нужна терапия». Но времени у нас не было. Игорь мог появиться на пороге в любую минуту, а мой сын превращался в живое изваяние.

Хозяйка гостевого дома, тетя Вера — сухопарая женщина с лицом, изрезанным морщинами, как кора старой сосны, — зашла к нам около десяти утра с кувшином парного молока.

— Не спится? — она внимательно посмотрела на мои синяки под глазами. — Море здесь громкое. К нему привыкнуть надо.

— Мой сын... — я запнулась, поправляя воротник свитера, чтобы скрыть следы на шее. — Он перестал говорить. После... несчастного случая. Вы не знаете, здесь в поселке есть кто-нибудь? Врач? Или...

Вера поставила кувшин на стол и вздохнула.

— Врачей тут нет, милая. До Зеленоградска ехать надо. Но есть Ян.

Я вздрогнула. Имя отозвалось внизу живота странной, болезненной пульсацией.

— Тот художник?

— Он не просто малюет, — Вера присела на край стула. — Он странный, нелюдимый, это верно. Но у него руки... особенные. Год назад дочка рыбаков, Лиза, после пожара тоже онемела. Месяц к нему ходила в мастерскую. Ян не лечит таблетками. Он заставляет их рисовать то, что внутри болит. Лиза заговорила. Сначала кричала по ночам, а потом заговорила.

Я посмотрела на Тёму. Он всё так же безучастно смотрел в окно.

— Он не примет нас, — вспомнила я его холодный взгляд на дюне. — Он сказал, что я принесла «дерьмо из города» на его территорию.

Вера усмехнулась, обнажив железные коронки.

— Ян никого не любит. Но если он увидит мальчишку... Он не откажет. В нем злости много, Марина, но гнили нет. А это на Косе — самое важное.

Путь к мастерской Яна лежал через сосновый перелесок. Песок под ногами был мокрым и тяжелым. Я вела Тёму за руку, чувствуя, как его пальчики безвольно лежат в моей ладони.

Мастерская оказалась старым немецким амбаром из красного кирпича, примостившимся на самом краю дюны. Крыша поросла мхом, окна были узкими, как бойницы. Из трубы шел сизый дым, который тут же прибивало к земле порывами ветра.

Я замерла перед массивной дверью, обитой железом. Сердце колотилось в горле.

Зачем я здесь? Он опасен. Он смотрит на меня так, будто знает все мои постыдные секреты. Но если он — единственный шанс для Тёмы...

Я постучала. Тишина. Постучала громче.

— Уходи, — донеслось из-за двери. Низкий, рокочущий бас. Тот самый, от которого вчера у меня подкосились ноги.

— Мне нужно поговорить! — крикнула я, перекрывая шум прибора. — Мой сын... Тетя Вера сказала, вы можете помочь!

Послышался скрежет засова. Дверь распахнулась так резко, что я едва успела отступить.

Ян стоял на пороге, заполнив собой весь проем. На нем были испачканные краской джинсы и растянутая черная футболка, открывающая мощные предплечья, покрытые татуировками — какими-то ломаными линиями и скандинавскими рунами. В воздухе тут же запахло скипидаром, мастикой и тем самым горьким табаком.

Его взгляд — тяжелый, как балтийский гранит — прошелся по мне, заставляя чувствовать себя обнаженной, а потом переместился на Тёму.

— Я не лекарь, — отрезал он. — И не нянька.

— Он не говорит, — я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. — Прошу вас. Только попробуйте. Я заплачу...

Ян вдруг шагнул навстречу, вынуждая меня отступить назад, к самому краю тропинки. Он был выше меня на целую голову. Его близость ощущалась как физическое давление — горячее, подавляющее.

— У тебя нет столько денег, городская, — прохрипел он, склоняясь к моему лицу. — Твой муж, который оставил эти отметины на твоей коже, — он ведь богатый человек, верно? Думаешь, здесь всё покупается?

Я вспыхнула. Гнев — редкое чувство для меня за последние годы — вдруг пересилил страх.

— При чем здесь деньги? Моему сыну больно! Ему плевать на ваши гонорары и на то, кто оставил мне синяки! Вы помогли той девочке, Лизе... Чем мой сын хуже?

Ян прищурился. В глубине его зрачков, мутно-зеленых, как морская тина, что-то дрогнуло. Он молча смотрел на Тёму. Мальчик неожиданно поднял голову и посмотрел художнику прямо в глаза. Долго. Пронзительно.

Я затаила дыхание. Тёма никогда не смотрел так на Игоря. Он всегда отводил взгляд, сжимался в комок. А здесь...

— Заходите, — бросил Ян, разворачиваясь и уходя вглубь мастерской.

Внутри было хаотично и странно. Огромное пространство со сводчатыми потолками было заставлено холстами — некоторые были повернуты к стене, другие пугали буйством красок. В центре стоял массивный мольберт, а рядом — стол, заваленный тюбиками, кистями и какими-то железными деталями.

Свет падал из верхнего окна, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе.

— Одно условие, — Ян обернулся, его голос заставил меня вздрогнуть. — Жесткое.

— Какое? — я прижала Тёму к себе.

— Полное невмешательство. Ты приводишь его, оставляешь за дверью и уходишь. Никаких «как дела, Тёмочка?», никаких подглядываний в окна. Для него ты на час перестаешь существовать. Если я увижу тебя здесь раньше времени — занятия закончены навсегда.

— Нет! — вырвалось у меня. — Я не могу оставить его одного. Он боится незнакомых людей!

Ян усмехнулся, и в этой усмешке было столько пренебрежения, что мне захотелось его ударить.

— Это ты боишься, Марина. Ты так привыкла быть жертвой, что теперь держишься за него, как за щит. Ты душишь пацана своей опекой. Хочешь, чтобы он заговорил? Дай ему вдохнуть воздуха, в котором нет твоего страха.

— Вы не имеете права... — я шагнула к нему, сжимая кулаки. — Вы ничего о нас не знаете!

— Я знаю достаточно, — он в одно мгновение оказался рядом. Его рука взметнулась, и я зажмурилась, ожидая удара, но он лишь захлопнул створку мольберта рядом с моей головой. — Я вижу женщину, которая бежит от собственной тени. Ты вся — один сплошной оголенный нерв. Твой сын это чувствует. Он молчит, потому что боится выдать тебя.

— Хватит! — выдохнула я.

Мы стояли в опасной близости. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, слышала его неровное дыхание. Запах краски кружил голову, смешиваясь с ароматом мужского пота и леса. Ян смотрел на мои губы, и в его взгляде не было жалости — только темный, первобытный интерес, от которого по коже бежали искры.

— Так что, Марина? — прошептал он, и его голос вибрировал у меня в ушах. — Готова рискнуть? Или пойдешь дальше дрожать в своем домике?

Я посмотрела на Тёму. Сын подошел к столу и осторожно коснулся пальцем ярко-алой краски, выдавленной на палитру. Он не выглядел напуганным. Напротив, в его глазах появилось слабое, едва заметное любопытство.

— Хорошо, — мой голос дрожал. — Час. Каждый день.

— Завтра в девять, — Ян отошел, мгновенно разрывая ту невидимую нить, что натянулась между нами. — А теперь забирай его и уходи. У меня работа.

Я взяла Тёму за руку, собираясь выйти, но порыв ветра из приоткрытого окна вдруг сорвал тяжелую льняную ткань с одного из подрамников, стоявших в углу.

Холст упал, ударившись о пол с глухим стуком.

Я невольно взглянула на него. И время замерло.

С полотна на меня смотрела женщина. Это была не просто картина — это был взрыв чувств. Она стояла на фоне бушующего моря, волосы разметались по лицу, одежда прилипла к телу. Но лицо...

Это было мое лицо.

Та же линия скул, тот же разрез глаз, та же тонкая, почти прозрачная кожа. Даже маленькая родинка над верхней губой была на месте. Но на портрете я — или эта женщина — не выглядела жертвой. В ее взгляде была сила, ярость и какая-то дикая, необузданная страсть.

— Кто это? — мой голос превратился в шепот.

Ян в два шага пересек комнату и резким движением набросил ткань обратно, скрывая изображение. Его лицо превратилось в непроницаемую маску.

— Это никто, — отрезал он. — Уходи, Марина. Сейчас же.

— Откуда вы... Вы меня раньше видели? В Калининграде? — я чувствовала, как паника начинает заливать сознание ледяной водой. — Игорь нанял вас? Это он заказал портрет?

Ян схватил меня за плечи. Его пальцы впились в плоть, почти причиняя боль.

— Послушай меня внимательно, — его глаза потемнели до черноты. — Я не знаю никакого Игоря. И мне плевать на твои городские разборки. Если хочешь, чтобы пацан занимался — забудь об этой картине. И никогда, слышишь, никогда не задавай мне вопросов о моих работах.

Он буквально выставил нас за дверь.

Засов с лязгом встал на место.

Я стояла на ветру, прижимая Тёму к себе, и смотрела на глухую кирпичную стену. В голове набатом стучала одна и та же мысль:

Он нарисовал меня. Он нарисовал меня задолго до того, как я ступила на этот берег.

Я опустила руку в карман и нащупала там кусок янтаря с надписью «СМОТРИ».

Теперь я смотрела. Но то, что я увидела, пугало меня больше, чем черные внедорожники на трассе. Ян не был случайным встречным. Он был частью чего-то, что началось задолго до моего побега.

Я потянула Тёму к дому, почти бегом преодолевая расстояние по лесу. Мне казалось, что из каждого окна мастерской на меня смотрят нарисованные глаза женщины, которая так похожа на меня, но которая умеет бороться.

Дома я заперлась и первым делом проверила телефон.

Новое сообщение. Не от Яна. Не от Игоря.

Номер был скрыт.

«Красивый портрет, не правда ли? Ян всегда был мастером деталей. Особенно тех, что касаются мертвых женщин».

Телефон выпал из моих рук, ударившись о деревянный пол. Тёма подошел ко мне и впервые за всё время взял меня за руку сам. Его ладошка была холодной, как лед.

Я посмотрела на него и поняла: завтра я всё равно приведу его к Яну. Потому что на этом проклятом острове у нас больше не было союзников. Только этот нелюдимый художник, который рисует призраков и пахнет штормом.

Глава 3: Танцующие тени

Телефон лежал на полу экраном вниз, но мне казалось, что я всё равно вижу эти буквы, выжженные на сетчатке глаза. *«Особенно тех, что касаются мертвых женщин»*.

Холод прошиб до костей. Я стояла посреди комнаты, не в силах пошевелиться, а Тёма сжимал мою ладонь. Его маленькие пальцы были ледяными. Он чувствовал мой страх. Он всегда его чувствовал, мой маленький барометр боли.

Кто это прислал? Игорь? Нет, это не его стиль. Игорь предпочитает прямое подавление, звонки с угрозами, личное присутствие, которое душит, как удавка. Это сообщение было другим — тонким, ядовитым, бьющим в самую уязвимую точку. Кто-то здесь, на Косе, знал о Яне больше, чем полагалось. И этот кто-то хотел, чтобы я держалась от него подальше. Или, наоборот, хотел подтолкнуть меня к краю обрыва, чтобы посмотреть, как я буду падать.

Я подняла телефон. Руки дрожали так сильно, что я едва не выронила его снова. Номер скрыт. Типично.

Всю ночь я не смыкала глаз. Каждый шорох за окном, каждый скрип старых половиц гостевого дома казался мне шагами преследователя. Я сидела на кровати, прижав к себе спящего Тёму, и смотрела на дверь. В голове крутился портрет той женщины. «Мертвых женщин...» Значит ли это, что она мертва? Была ли она его женой? Любовницей? Моделью, которую он погубил?

Когда рассвет наконец коснулся вершечек сосен, окрасив их в тревожный оранжевый цвет, я знала одно: я не могу остаться в этом доме. Но и бежать мне некуда. Единственная ниточка, связывающая Тёму с реальностью, была в руках человека, который, возможно, был монстром похлеще Игоря.

— Идем, малыш, — прошептала я, умывая Тёму. — Нам пора на урок.

Ян ждал нас не в мастерской. Он стоял у подножия дюны, прислонившись к старому, побитому временем внедорожнику. На нем была тяжелая куртка цвета хаки, а на плече висел походный рюкзак.

Увидев нас, он не улыбнулся. Он вообще, кажется, не умел улыбаться. Его взгляд мгновенно впился в мое лицо, сканируя темные круги под глазами и мою лихорадочную бледность.

— Ты не спала, — констатировал он. Это не был вопрос.

— Коса шумит, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Непривычно.

Ян прищурился. Он сделал шаг ко мне, и я невольно отшатнулась. Он замер, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на горькое понимание.

— Сегодня занятие будет на пленэре, — отрезал он, открывая заднюю дверь машины. — Садитесь. Мы едем в Танцующий лес.

— Почему туда? — я прижала Тёму к себе. — Вчера вы говорили про мастерскую.

— Мастерская — это клетка, — он посмотрел на Тёму. — А пацану нужно пространство.

В лесу тени говорят громче, чем люди. Посмотрим, услышит ли он их.

Дорога была недолгой, но мучительной. В тесном салоне автомобиля запах Яна — табак, хвоя и что-то металлическое — заполнял всё пространство. Я чувствовала его присутствие кожей, каждым волоском на затылке. Он вел машину уверенно, жестко, не обращая внимания на ухабы. Его руки на руле казались огромными, костяшки пальцев были сбиты.

Мы вышли на стоянке, где почти не было машин. Ранний час и пасмурная погода отпугнули туристов.

Танцующий лес встретил нас тишиной. Но это была не та мирная тишина, к которой привыкаешь в обычном бору. Здесь воздух казался густым, застоявшимся. Сосны изгибались

под немислимыми углами, закручивались в спирали, прижимались к земле, словно пытаюсь скрыться от чего-то невидимого.

— Говорят, здесь земля помнит то, что люди предпочли забыть, — негромко произнес Ян, когда мы углубились в чащу. — Ученые лепечут про геомагнитные поля, про вредителей... Но местные знают: деревья просто танцуют под музыку, которую не слышат живые.

Он шел впереди, указывая дорогу. Его движения были бесшумными, несмотря на тяжелые ботинки. Он двигался как хищник на своей территории.

— Марина, — он вдруг остановился и обернулся. Я едва не врезалась в его широкую спину. — Ты веришь в проклятия?

— Я верю в человеческую жестокость, — ответила я, глядя на изогнутый ствол дерева, напоминающий корчащегося в агонии человека. — Это страшнее любых легенд.

Ян усмехнулся. В его взгляде на мгновение вспыхнул странный огонь.

— Верно. Но посмотри на них. Они сломаны, искорежены, но они продолжают расти. Они не сдались. Они превратили свое уродство в искусство. Это и есть выживание.

Он достал из рюкзака складной стульчик для Тёмы и большой лист плотной бумаги. Вместо красок он выложил на пень угольные карандаши разной мягкости.

— Тёма, — Ян присел на корточки перед моим сыном. Он стал ниже него, и в этом жесте было что-то, что заставило мое сердце пропустить удар. — Видишь эти деревья? Они боятся. Но они танцуют. Нарисуй их страх. Но сделай его красивым.

Тёма осторожно взял уголь. Его пальцы, всё еще перепачканные вчерашней краской, коснулись бумаги.

Я хотела подойти ближе, поправить ему воротник, подсказать...

— Стой здесь, — голос Яна был тихим, но в нем прозвучала сталь. — Помнишь наш договор? Ты — наблюдатель. Не мешай ему общаться с лесом.

Он отошел в сторону, к густым зарослям, и я последовала за ним, чувствуя себя лишней в этом странном диалоге между сыном и художником.

Мы стояли под сенью гигантской сосны, ствол которой завязался в узел. Ветер наверху раскачивал кроны, и они издавали долгий, тоскливый стон.

— Почему вы рисуете мертвых? — вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я успела его обдумать.

Ян замер. Его профиль на фоне серых деревьев казался высеченным из камня. Он медленно повернул голову.

— О чем ты говоришь, Марина?

— Портрет в мастерской. Тот, что вы спрятали. О нем говорят... — я запнулась, не желая признаваться в анонимном сообщении. — Люди говорят, что вы заиклены на прошлом. Что те, кого вы рисуете, больше не с нами.

Ян шагнул ко мне. Медленно. Один шаг. Второй. Я оказалась прижата к шершавой коре сосны. Его рука легла на ствол рядом с моей головой, отрезая путь к бегству. От него исходил жар, почти осязаемый в холодном утреннем лесу.

— Ты слушаешь сплетни в поселке, городская? — его голос вибрировал у меня в груди. — Хочешь знать правду? Правда в том, что каждый художник — некромант. Мы вырываем мгновения из лап времени и прищипливаем их к холсту, как бабочек. А бабочки на булавах всегда мертвы. Даже если они выглядят как живые.

— Это не ответ, — прошептала я, глядя в его глаза. Там, в глубине зрачков, я видела свое отражение — испуганное, но замороженное. — Вы нарисовали меня. Почему?

Ян склонился ниже. Его губы были в нескольких сантиметрах от моего уха.

— Потому что я видел тебя в своих кошмарах еще до того, как ты приехала, — его шепот обжег кожу. — Потому что ты — та самая жертва, которая ищет своего палача. Или своего защитника. Проблема в том, что иногда это один и тот же человек.

Он не коснулся меня, но я чувствовала его всем телом. Это было физическое доминирование, властное и подавляющее. Я должна была его оттолкнуть, должна была закричать, но вместо этого я просто дышала с ним в унисон, ощущая, как страх превращается во что-то другое — в темное, тягучее притяжение.

— Отойдите, — выдохнула я.

Он не пошевелился. Его взгляд переместился на мои губы, и на мгновение мне показалось, что он сейчас сорвет этот поцелуй, как спелый плод. Жестко, без спроса.

— Мама!

Голос Тёмы прозвучал как гром среди ясного неба. Мы оба вздрогнули и синхронно повернули головы.

Тёма не заговорил. Нет. Но он стоял у своего пня, протягивая нам рисунок. И на его лице... боже, на его лице была слабая, едва уловимая улыбка. Первая за целый год.

Я бросилась к нему, забыв про Яна, про угрозы и про ледяной воздух.

— Тёмочка! Малыш...

На листе бумаги уголь сплел сложный узор из ломаных линий. Это не были просто деревья. Это был танец — хаотичный, бурный, полный жизни. В центре рисунка среди кривых сосен была маленькая фигурка, держащая за руку огромного, сильного человека.

Я почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза.

— Это очень красиво, Тёма. Очень.

Ян подошел сзади. Он не смотрел на меня. Он смотрел на рисунок сына.

— Неплохо, — коротко бросил он, но я увидела, как его рука на мгновение коснулась плеча мальчика. — У тебя есть глаз, пацан. Ты видишь структуру за хаосом.

В этот момент тишину леса нарушил шум мотора и хруст веток. Из-за поворота тропинки, ведущей к морю, показался старый мотоцикл с коляской. На нем сидел крепкий мужчина лет пятидесяти в камуфляжной куртке — местный рыбак, которого я видела вчера на пристани.

Он заглушил мотор и, широко улыбаясь, направился к нам.

— Эй, Ян! Не знал, что ты сегодня на пленэре! — крикнул он, подходя ближе. — О, и гости у тебя?

Ян мгновенно выпрямился. Его поза изменилась — плечи развернулись, челюсть сжалась. Он словно вырос в размерах, загрохавая собой меня и Тёму.

— Здорово, Степан, — голос Яна был сухим, как старый валежник. — Мы уже заканчиваем.

Рыбак, не замечая напряжения, подошел к нам. Его лицо было обветренным, добрым, от него пахло соленой рыбой и дешевым табаком.

— Красавица какая приехала к нам, — Степан посмотрел на меня с неприкрытым, но безобидным восхищением. — А я смотрю — кто это по дюнам бродит? Думал, русалка.

Он протянул руку, чтобы, видимо, пожать мою, но Ян сделал шаг вперед, физически преграждая ему путь.

— Степан, — в голосе художника прозвучала нескрываемая угроза. — Иди куда шел. У тебя сети не выбраны.

Рыбак осекся. Его улыбка медленно угасла. Он посмотрел на Яна, потом на меня, и в его глазах появилось понимание, смешанное с опаской.

— Да я что... я просто поздороваться, — пробормотал он, отступая на шаг. — Чай, не дикие люди.

— Именно, — отрезал Ян. — Не дикие. Поэтому иди мимо.

Я почувствовала, как во мне закипает возмущение. Степан не сделал ничего плохого, он был просто вежлив. Такое поведение Яна было не просто грубым — оно было собственническим. Он метил территорию, и я, к своему ужасу, была частью этой территории.

— Здравствуйте, — я намеренно вышла из-за спины Яна и улыбнулась Степану. — Мы просто гуляем. Здесь очень красиво.

Ян резко обернулся ко мне. Его взгляд был обжигающим, полным ярости и чего-то еще, что я побоялась назвать ревностью.

— Марина, в машину, — процедил он сквозь зубы.

— Я сама решу, когда мне идти в машину, — я вздернула подбородок, чувствуя, как адреналин ударяет в голову. — Спасибо за добрые слова, Степан.

Рыбак кивнул, быстро завел свой мотоцикл и поспешил скрыться. Он явно не хотел связываться с разъяренным художником.

Когда шум мотора стих, в лесу стало невыносимо тесно.

— Ты что творишь? — Ян схватил меня за локоть. Его пальцы были как стальной обруч.

— Это вы что творите! — я попыталась вырваться, но он держал крепко. — Он просто поздоровался! Вы ведете себя как... как...

— Как кто? — он дернул меня к себе, заставляя смотреть в упор. — Как человек, который знает, что на этой Косе каждый встречный может быть не тем, за кого себя выдает? Ты забыла, от кого ты бежишь? Ты думаешь, твой муженек пришлет к тебе наемников в костюмах-тройках? Нет, он наймет такого вот «доброего» соседа, который за пачку денег сдаст тебя с потрохами!

Я замерла. Холодная правда его слов окатила меня ледяным душем. Игорь действительно мог так поступить. Он был мастером манипуляций.

— И всё же... вы не имеете права так со мной разговаривать, — мой голос дрогнул, но я не отвела взгляда.

— Я имею право делать всё, чтобы на моем участке земли не произошло дерьма, — Ян разжал пальцы. На моей коже остались красные следы. — Собирай вещи. Мы уезжаем.

Он начал яростно заталкивать стульчик и бумагу в рюкзак. В какой-то момент он дернул ляжку слишком сильно, и из бокового кармана на песок что-то выпало.

Ян не заметил. Он уже шел к машине, ведя Тёму за руку.

Я наклонилась, чтобы поднять оброненную вещь. Это был металлический предмет на длинной цепочке. Когда я раскрыла ладонь, сердце ушло в пятки.

На моей руке лежал армейский жетон. Тусклый, поцарапанный, с выбитыми буквами и цифрами. Я не разбиралась в военной кодировке, но одно слово прочитала четко.

«ГРУ».

И ниже — личный номер.

Это был жетон элитного подразделения. Спецназ. Разведка. Те, кого учат убивать быстро и бесшумно. Те, чье прошлое обычно стерто или залито кровью.

Я судорожно сжала жетон в кулаке. Значит, легенда о художнике-затворнике была лишь верхушкой айсберга. Ян не просто рисовал призраков. Он сам был одним из них. Человек с таким жетоном не оказывается на заброшенной окраине мира просто потому, что любит шум моря.

— Марина! — окрик Яна заставил меня вздрогнуть.

Я быстро спрятала жетон в карман куртки.

— Иду!

Обратный путь прошел в полном молчании. Но это было не то молчание, которое предшествует миру. Это было затишье перед бурей. Атмосфера в машине была настолько наэлектризована, что, казалось, коснись я обшивки — и вылетит искра.

Тёма заснул, прижавшись к стеклу. Его рисунок лежал у него на коленях.

Я смотрела в окно на мелькающие сосны и чувствовала тяжесть жетона в кармане. Кем он был? Почему ушел? И самое главное — почему он так похож на тех людей, которых Игорь нанимал для моей охраны... или моего заточения?

Когда мы подъехали к моему дому, Ян не заглушил мотор.

— Завтра в то же время, — бросил он, не глядя на меня. — В мастерской. И постарайся... не заводите друзей среди местных. Это вредно для здоровья.

Я вышла из машины, не ответив.

Дома я уложила Тёму, который даже не проснулся, когда я переносила его на кровать. Сама же я села у окна и достала жетон.

Металл был холодным. Я терла его пальцем, словно пытаюсь вызвать джинна, который расскажет мне правду.

Вдруг мой взгляд упал на стол, где лежал мой телефон. Экран мигнул. Новое сообщение.

Я взяла его, ожидая очередную угрозу от анонима или Игоря. Но это было не сообщение. Это было уведомление от системы безопасности, которую я установила на свой ноутбук перед отъездом.

«Обнаружена попытка удаленного доступа. Местоположение: Калининград».

Я похолодела. Игорь. Он начал сканировать мои старые связи. Он искал цифровой след. Но хуже всего было другое.

Под уведомлением висела прикрепленная фотография. Она была сделана явно скрытой камерой, установленной где-то в лесу.

На фото был Танцующий лес. Кривые сосны. И мы с Яном. Тот самый момент, когда он прижал меня к дереву. Со стороны это выглядело не как угроза. Это выглядело как интимная близость. Как объятие любовников.

И подпись:

«Твой новый защитник знает, что его предыдущая подопечная закончила в янтаре? Спроси его про Лизу. Спроси, почему она больше не поет».

Я выронила телефон. Жетон выпал из другой руки, со звоном ударившись о пол.

В этот момент за окном сверкнула молния, и через несколько секунд тишину разорвал оглушительный раскат грома. Балтика решила, что время игр закончилось.

Начинался шторм. И я знала, что этот шторм принесет с собой не только соленую воду, но и кровь.

Я подошла к окну и увидела вдали, на холме, темный силуэт мастерской Яна. Там не горел свет. Он был там, в темноте, со своими призраками и своими тайнами.

А я была здесь, запертая в ловушке, которую сама же и выбрала.

Я сунула руку в карман и нащупала жетон. Я должна вернуть его. Но еще больше я должна узнать, кто такая Лиза и почему Ян рисует мертвых женщин так, будто они — это я.

Гром ударил снова, ближе. Дом содрогнулся. Тёма во сне вскрикнул и заметался по кровати.

— Тише, маленький, тише, — я присела рядом с ним, глядя на его рисунок, где огромный человек держал ребенка за руку. — Всё будет хорошо.

Но я знала, что лгу.

В дверь постучали. Негромко. Но настойчиво.

Три удара. Пауза. Еще три удара.

Это не был почтальон. И не тетя Вера.

Я медленно поднялась, сжимая в руке тяжелый жетон как единственное оружие.

— Кто там? — мой голос сорвался на шепот.

За дверью молчали, но я слышала тяжелое, прерывистое дыхание. А потом в щель под дверью просунули узкий листок бумаги.

Я подняла его. Это был фрагмент карты Куршской косы. Одно место было обведено жирным красным кругом.

Заброшенный маяк.

И надпись почерком, от которого у меня зашевелились волосы на голове:

«Он не спасет тебя, Марина. Он просто хочет закончить свою коллекцию».

Я рванула дверь на себя, но на крыльце никого не было. Только капли первого дождя разбивались о доски, и ветер доносил запах гниющих водорослей и старой, застоявшейся крови.

Глава 4: Штормовое предупреждение

Тёма за порогом была живой. Она дышала холодом, пахла разлагающейся тиной и солью, которая, казалось, разъедала саму кожу. Я стояла в дверном проеме, сжимая в одной руке армейский жетон Яна, а в другой — клочок бумаги с картой и этим страшным предупреждением.

«Он просто хочет закончить свою коллекцию».

Слова пульсировали в мозгу в такт вспышкам молний. Кто был здесь минуту назад? Чье прерывистое дыхание я слышала через тонкое дерево двери?

Ветер взвыл, ударив в стену дома с такой силой, что старые рамы жалобно закрипели. Тёма в спальне снова вскрикнул, и этот звук вывел меня из оцепенения. Я рванулась назад, заперла дверь на все замки и прижалась к ней спиной, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Я была одна. На краю земли, посреди надвигающегося катаклизма, зажата между прошлым, которое меня настигло, и настоящим, которое пугало не меньше.

— Мама? — Тёма стоял в дверях спальни, кутаясь в одеяло. Его глаза были огромными, в них отражался свет кухонной лампы, которая начала мигать.

— Всё хорошо, малыш. Просто гроза, — я бросилась к нему, опускаясь на колени и прижимая его к себе. Мои руки были ледяными, и он это почувствовал, потому что вздрогнул.

В этот момент за окном раздался новый звук. Это не был гром. Это был тяжелый, размеренный стук сапог по ступеням крыльца. Мое сердце пропустило удар. Снова?

— Марина, открывай! Это я! — Голос Яна прорезал шум ливня. Он был низким, властным и не терпящим возражений.

Я замерла. Жетон в моем кармане словно стал весить тонну. «Он не спасет тебя...» — твердил голос в голове. Но Игорь... Игорь прислал фото. Игорь знал, где я. А человек за дверью был единственным, кто сегодня заставил моего сына улыбнуться.

Я подошла к двери и, не снимая цепочки, приоткрыла её. Ян стоял под проливным дождем. Капюшон его штормовки был откинут, вода стекала по лицу, делая его черты еще более резкими, почти высеченными из камня. Его глаза в свете молнии блеснули сталью.

— Собирайся. Быстро, — бросил он, даже не глядя на меня. Его взгляд сканировал темноту двора за моей спиной.

— Что случилось? Куда? — я вцепилась в косяк.

— Шторм будет сильнее, чем обещали. Твой домик — это картонная коробка, его сложит первым же серьезным порывом. К тому же... — он осекся, его ноздри хищно раздулись. — Я видел машину на дороге. Чужую. И следы возле твоего крыльца. Ты не останешься здесь.

— Я... я никуда не пойду, — я попыталась закрыть дверь, но он просто подставил ногу в тяжелом ботинке.

— Марина, не зли меня, — он подался вперед, и я почувствовала исходящий от него жар даже через холодный дождь. — Ты можешь бояться меня сколько угодно, но сейчас ты возьмешь сына и пойдешь со мной. Мой дом — это крепость. Там есть генератор, запасы и... стены, которые не рухнут. У тебя пять минут.

Он не просил. Он отдавал приказ. И в этом приказе была странная, пугающая забота, которая сейчас была мне необходима как воздух. Я посмотрела на Тёму. Мальчик смотрел на Яна с каким-то странным доверием.

— Хорошо, — выдохнула я.

Я схватила заранее собранный «тревожный» рюкзак, который всегда стоял у двери. Куртку для Тёмы, сапоги. Я не оборачивалась на уютный маленький домик, который на пару дней стал моим убежищем. Сейчас он казался могилой.

Ян подхватил Тёму на руки, укрывая его своей огромной курткой. Я шла следом, борясь с ветром, который пытался сбить меня с ног. Мы бежали к его внедорожнику, припаркованному в тени сосен.

Как только мы оказались внутри, салон наполнился запахом хвои, дорогого табака и мокрой кожи. Ян резко рванул с места. Фары прорезали плотную стену дождя.

— Кто был у моего дома? — спросила я, когда мы выехали на узкую дорогу, ведущую к его мастерской.

Ян молчал, вцепившись в руль. Его костяшки побелели.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Но этот кто-то не хотел, чтобы его заметили. Профессионал. Или трус, который нанял профессионала.

Я вспомнила фотографию в телефоне. «Твой новый защитник знает, что его предыдущая подопечная закончила в янтаре?»

— Ян... кто такая Лиза? — Слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела их обдумать.

Машину вильнуло. Ян резко затормозил, и мы оба подались вперед. Тёма на заднем сиденье пискнул. Ян медленно повернул голову ко мне. В темноте кабины его лицо казалось маской.

— Откуда ты знаешь это имя? — Его голос стал тихим, и это было страшнее любого крика.

— Мне... пришло сообщение. С фотографией. Нас в лесу.

Ян выругался — грязно, по-мужски. Он ударил ладонью по рулю, заставив меня вздрогнуть.

— Он уже здесь, — прошептал он сам себе. — Быстрее, чем я думал.

Он снова нажал на газ, и через три минуты мы были у его дома-мастерской. Это было массивное здание из красного кирпича и грубого камня, вросшее в холм. Оно выглядело неприступным.

Как только мы вошли внутрь, Ян запер тяжелую дубовую дверь на три засова. Внутри было тепло, пахло маслом, скипидаром и чем-то неуловимо мужским. Тёма сразу побежал к углу, где стояли его мольберты, словно это место было для него безопаснее всего на свете.

— Иди на кухню, — скомандовал Ян, снимая мокрую куртку. Под ней оказалась простая черная футболка, обтягивающая его мощный торс. — Я сейчас приду.

Я прошла на кухню. Она была простой, почти спартанской: массивный деревянный стол, пара стульев, старая плита. На столе горела единственная лампа.

Вдруг свет мигнул. Раз, другой. И погас.

Дом погрузился в абсолютную, вязкую темноту. Гул шторма снаружи стал в сто раз громче. Ветер выл в трубе, как раненый зверь.

— Тёма! — крикнула я в панике.

— Я здесь, Марина. Он со мной, — голос Яна раздался совсем рядом.

Я услышала чирканье спички. Маленький огонек выхватил из темноты его лицо, потом он зажег толстую восковую свечу, стоявшую в медном подсвечнике. Тени заплясали по стенам, превращая мастерскую в пещеру.

Ян привел Тёму, который уже сонный тер глаза.

— Положи его на диван в гостиной, я принесу пледы, — тихо сказал Ян.

Когда мальчик был устроен, мы вернулись на кухню. Ян поставил свечу на стол между нами. Свет падал снизу, подчеркивая глубокие тени под его глазами и шрам, идущий от виска к скуле, который я раньше не замечала.

— Твой муж — опасный человек, Марина, — начал он, садясь напротив. — Но не потому, что он сильный. А потому, что у него много денег и полное отсутствие тормозов.

— Откуда вы знаете об Игоре? — я обхватила себя руками, пытаюсь согреться.

Ян усмехнулся. Это была горькая, некрасивая усмешка.

— Я видел таких, как он, сотнями. В прошлой жизни. В Калининграде.

— Вы были телохранителем? — я вспомнила жетон. — Или... кем-то еще?

Ян взял свечу и поднес её ближе к моему лицу, словно хотел рассмотреть каждую пору моей кожи.

— Я был тем, кто зачищал хвосты, — его голос стал хриплым. — Когда бизнесмены вроде твоего мужа заигрывались в богов, они звонили мне. Или моим людям. Мы решали проблемы. Тихо. Грязно.

Я отпрянула.

— Значит, вы такой же, как он.

— Нет, — Ян резко поставил свечу на стол. Огонек едва не погас. — Я знал цену человеческой жизни. Он — нет. Разница в том, что я ушел. А он продолжает играть.

Он замолчал, глядя на танцующее пламя. В доме было так тихо, что я слышала, как бьется мое сердце.

— Лиза была моей работой, — вдруг произнес он. — Семь лет назад. Дочь одного крупного чиновника. Её заказали, чтобы надавить на отца. Я должен был её вывезти. Не успел.

— Она... она погибла?

— На моих глазах, — Ян закрыл глаза, и я увидела, как на его челюсти заходили желваки. — Она была похожа на тебя. Та же манера кусать губу, когда страшно. Тот же взгляд... загнанной лани, которая всё еще надеется на чудо. Когда я увидел тебя на дюне, я подумал, что у меня начались галлюцинации. А потом понял — это мой второй шанс. Или мое окончательное проклятие.

Его откровение ударило меня под дых. Это не была романтическая история. Это была история крови и вины. Он защищал не меня — он пытался искупить смерть другой женщины.

— Игорь прислал мне это, — я достала телефон, но экран был черным. — Сел...

— Неважно. Я и так знаю, что он напишет. Он будет давить на самое больное. Он хочет, чтобы ты сама прибежала к нему, моля о прощении.

Ян встал и подошел ко мне. Он не касался меня, но я чувствовала его присутствие каждой клеточкой тела. Он навис над моим стулом, упираясь руками в стол по обе стороны от меня.

— Ты боишься меня, Марина? — прошептал он. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего.

— Да, — честно ответила я, глядя в его темные, почти черные в этом свете глаза.

— Правильно делаешь. Потому что я не святой. И если мне придется убить твоего мужа, чтобы вы с Тёмой были в безопасности, я сделаю это, не моргнув глазом. А потом пойду и закончу твой портрет.

Он протянул руку и медленно, почти невесомо провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Его кожа была шершавой, пахнувшей краской и дождем. Это прикосновение было интимным, властным и... чертовски правильным.

Я затаила дыхание. В этот момент, посреди бушующего шторма, в доме, полном теней и тайн, я впервые за долгое время почувствовала себя не жертвой. Я почувствовала себя женщиной. Желанной. Охраняемой.

Ян наклонился еще ниже. Я видела каждую ресничку, чувствовала запах мятной жвачки и табака от его губ. Мои глаза невольно закрылись. Я ждала поцелуя — грубого или нежного, мне было всё равно. Мне нужно было это доказательство жизни.

Но он не поцеловал меня.

Вдруг тишину разрезал резкий, противный звук. Это была вибрация моего телефона, который я положила на стол. Каким-то чудом он включился на последнем проценте заряда.

Ян выпрямился, его взгляд мгновенно стал холодным. Он схватил телефон раньше, чем я успела потянуться к нему.

На экране светилось одно-единственное сообщение. Без номера. Только текст.

Я смотрела через его плечо, и ледяной ужас сковал мои легкие.

«Я знаю, где ты. Окна в твоём убежище слишком большие, Марина. Я вижу, как ты дрожишь. И я вижу, кто стоит рядом с тобой. Передай Яну, что за старые долги нужно платить кровью. Жди утра. Утром я заберу свое».

Под текстом была прикреплена фотография. Свежая. Сделанная всего несколько секунд назад.

На фото было окно кухни, в котором мы сидели. Мы с Яном, освещенные одной свечой. Два силуэта в золотистом ореоле, за которыми из темноты наблюдает смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.